

«ИНТЕРЕСЫ РЕБЕНКА» В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОКТРИНЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

© 2020 г. Н. В. Кравчук

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва

E-mail: natkravchuk@mail.ru

Поступила в редакцию 03.09.2019 г.

Аннотация. В статье приводится сравнительный анализ концептуализации понятия «интересы ребенка» в российском и международном праве. Отмечается, что в России данное понятие толкуется узко за счет наличия критерия законности интересов. Кроме того, отсутствует приоритет интересов ребенка перед интересами иных лиц. Такой подход приводит к тому, что суды зачастую избегают определения того, какие именно интересы детей подлежат защите в конкретном деле и какие именно действия были приняты/должны быть приняты в их защиту, а также используют эту концепцию в ущерб праву ребенка на выражение мнения. Практика применения рассматриваемой концепции в России часто становится объектом критики международных органов защиты прав человека.

Ключевые слова: наилучшие интересы ребенка, законные интересы, толкование, Конвенция ООН о правах ребенка, Европейский Суд по правам человека, приоритет интересов ребенка, право ребенка на выражение мнения, судебное усмотрение.

Цитирование: Кравчук Н.В. «Интересы ребенка» в международном и российском праве: сравнительный анализ доктрины и практика применения // Государство и право. 2020. № 2. С. 107–116.

DOI: 10.31857/S013207690008548-4

“INTERESTS OF THE CHILD” IN INTERNATIONAL AND RUSSIAN LAW: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DOCTRINE AND PRACTICE OF APPLICATION

© 2020 N. V. Kravchuk

*Institute of scientific information on social Sciences (ISISS)
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: natkravchuk@mail.ru

Received 03.09.2019

Abstract. The aim of the article is to provide for a comparative study of a conceptualization of the “interests of the child” category in Russian and international law. It is noted that this notion is restrictively interpreted in Russia due to the criteria of a legality of interests. Also, there is no priority of the interests of the child among the interests of the other parties in the dispute. Such an approach nurtured the practice when the courts of law avoid detailing which interests of the child were to be protected in a concrete case and how actions undertaken by the relevant authorities addressed this need and use the concept to limit the right of the child to express his/her views. These practices often become an object of critique by international human rights bodies.

Key words: the best interests of the child; legal interests of the child; interpretation; UN Convention on the rights of the child; European court of human rights; priority of the interests of the child; the right of the child to express his/her views; judicial discretion.

For citation: Kravchuk, N.V. (2020). “Interests of the child” in International and Russian Law: comparative analysis of the doctrine and practice of application // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 107–116.

Интересы ребенка — одна из наиболее противоречивых и вместе с тем самых важных для защиты прав ребенка концепций. Неудивительно поэтому, что она находится в фокусе внимания ученых по всему миру¹. При этом подавляющее большинство статей, опубликованных на эту тему в России, можно разделить на две категории — те, что рассматривают это понятие в рамках российского семейного права² и те, что посвящены международным стандартам в этой области³. Между тем, как метко отмечает О.Ю. Ильина, поскольку категория «интерес» является общенаучной, ее понятие и содержание изучают философы, социологи, педагоги, психологи и юристы. Разноотраслевой подход к исследованию этого вопроса обуславливает и различное смысловое наполнение рассматриваемого понятия⁴. Продолжая эту мысль, можно отметить, что в рамках одной только юриспруденции «интересы ребенка» по-разному определяются учеными и практиками, занимающимися различными аспектами защиты прав ребенка⁵. С этой точки зрения международно-правовая доктрина и ее отображение и развитие в практике представляют несомненный академический интерес. Сравнение подходов российских и зарубежных ученых, а также практики применения этой категории будет познавательно не только для специалистов, занимающихся семейно-правовой тематикой, в рамках которой, как правило, ведутся дискуссии о правах ребенка, но и для исследователей других

дисциплин, ведь интересы ребенка должны учитываться «во всех действиях в отношении детей»⁶.

В российском праве «интересы ребенка» упоминаются, начиная с XIX в. В т. X ч. I Свода законов Российской Империи было закреплено, что «только после добросовестного исследования в каждом данном случае всей внутренней обстановки и жизни семьи означенный вопрос может подлежать правильному и отвечающему интересам детей разрешению»⁷. Этот термин используется и в семейных кодексах, принятых после 1917 г. Как отмечает А.М. Нечаева, со временем он приобретает особо значимый смысл⁸. По мере осознания обществом ценности ребенка внимание к этой категории усиливалось как в России, так и во всем мире, а после принятия Конвенции о правах ребенка ООН, она заняла свое место в качестве одной из основных характеристик всех действий государства и родителей, затрагивающих ребенка.

Именно Конвенция ООН о правах ребенка, принятая в 1989 г., упоминается в первую очередь, когда идет речь об интересах ребенка. Интересно, однако, что не этот документ первым ввел в обращение данную правовую категорию. Она фигурирует и в Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г.⁹, применение которой также внесло вклад в толкование рассматриваемой нами концепции¹⁰. В преамбуле этой Конвенции подчеркивается, что «интересы детей являются вопросом первостепенного значения, что касается опеки над ними».

Притом, что Конвенция ООН о правах ребенка — не первый документ, упоминающий о необходимости учета интересов ребенка, именно здесь «наилучшие интересы ребенка» выступают в качестве одного из четырех основных принципов, через призму которых должны толковаться все положения этого договора. Применение этого принципа выходит за рамки семейно-правовых вопросов и распространяется на все действия и решения как государственных органов, так и негосударственных акторов. Его цель — обеспечить физическую, психологическую, моральную и духовную целостность и неприкосновенность ребенка и содействовать утверждению его человеческого достоинства.

¹ См.: *Langrogniet F.* The best interests of the child in French deportation case law // *Human rights law review*. Oxford, 2018. No. 18. P. 570.

² См., напр.: *Ильина О.Ю.* Частноправовые и публично-правовые презумпции интересов ребенка в Семейном кодексе РФ // *Бизнес в законе. Экономико-юрид. журнал*. 2005. № 1. С. 120—125; *Нечаева А.М.* Защита интересов ребенка: семейно-правовые предпосылки // *Государство и право*. 2010. № 6. С. 76—83; *Ее же.* Интересы ребенка как объект семейно-правовой защиты // *Государство и право*. 2012. № 1. С. 77—85.

³ См., напр.: *Кабанов В.Л.* К вопросу о концептуальном содержании принципа наилучших интересов ребенка в международном праве // *Евразийский юрид. журнал*. 2014. № 10 (77). С. 65—68; *Скаун О.С.* Интерес ребенка как основной критерий защиты прав детей в практике Европейского Суда по правам человека // *Семейное и жилищное право*. 2014. № 2. С. 30—36; *Его же.* Интерес ребенка как основной критерий защиты прав детей в практике Европейского Суда по правам человека // *Человек и закон*. 2015. № 3. С. 33—44.

⁴ См.: *Ильина О.Ю.* Понятие и иерархия интересов в семье и семейных правоотношениях // *Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации*. М., 2015. С. 53.

⁵ См.: *Tanguay M.P.* The critical power of semiotics of law/ *International journal for the semiotics of law*. 2010. Vol. 23. No. 1. P. 24, 25.

⁶ Статья 3 Конвенции ООН о правах ребенка (Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989 г. ВСНД и ВС СССР. 1990. № 45, ст. 955).

⁷ Цит. по: *Нечаева А.М.* Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних. М., 2016. С. 43.

⁸ См.: там же.

⁹ См.: СЗ РФ. 2011. № 51, ст. 7452.

¹⁰ См.: *Silvis J.* Prevention of child abduction // *Melanges en l'honneur de / Essays in honour of Dean Spielmann*. Oisterwijk, 2015. P. 604.

Как отмечает М. Фриман, интересно не только то, что Конвенция закрепляет, но и то, что она обходит стороной¹¹. В ней отсутствует перечень факторов, которые необходимы для определения наилучших интересов ребенка. Не перечисляются они и в документах Комитета ООН по правам ребенка. И это притом, что, систематизировав применение этой категории во всех странах мира, Комитет издал Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3)¹². В нем отмечается, что «наилучшие интересы ребенка» – это «подвижная концепция, включающая в себя различные, постоянно развивающиеся вопросы», она представляет собой «систему координат, в рамках которой оцениваются и определяются интересы ребенка; она не предписывает, что должно считаться лучшим для ребенка в каждой конкретной ситуации!» (§ 11. Замечания общего порядка).

Такой подход разделяет и Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), не единожды толковавший это понятие в своей практике¹³. В различных контекстах он отмечал, что не может существовать исчерпывающего перечня факторов, определяющих интересы ребенка, поскольку они варьируются, исходя из обстоятельств конкретного дела¹⁴. Кроме того, они не могут определяться правовой презумпцией¹⁵ и не должны быть приравнены к интересам отца или матери ребенка¹⁶.

Отсутствие общего понимания содержания понятия и его изменчивость делает этот термин уязвимым для критики. Многие западные ученые называют его неясным, неопределенным

и субъективным стандартом, подверженным бесконечному количеству трактовок и идеологической эксплуатации¹⁷. Другие, наоборот, встают на защиту присущей ему гибкости, необходимой для учета социально-культурного контекста, в котором он будет применяться¹⁸. И те, и другие согласны в том, что содержание концепции изменяется и зависит от культурных и социальных предпосылок. Это означает, отмечает Дж. Ширази, что данный принцип толкуется исходя из того, что считается нормой для жизни и воспитания ребенка¹⁹. Речь идет, по-видимому, о том, что воспринимается в качестве нормы в конкретном правовом и культурном контексте.

Российские ученые, рассуждая о категории «интересы ребенка», исходят не только из международно-правового ее понимания, но и из традиции российской правовой школы. Поэтому речь идет в первую очередь о «законных интересах ребенка»²⁰, т.е. интересах, охраняемых законом.

В советском праве интерес чаще всего определялся как «потребность». Так, например, Р.Е. Гукасян определял интерес как объективно существующую социальную потребность²¹, а В.П. Грибанов понимал его как потребность, принявшую форму сознательного побуждения²². Эта точка зрения разделяется Ю.Ф. Беспаловым и С.А. Горячевой, которые отождествляют законный интерес с потребностью, определяя его чаще всего как осознанную потребность²³. При этом, определяя интересы ребенка, Ю.Ф. Беспалов видит их в создании условий, необходимых для его содержания

¹¹ См.: Freeman M. Article 3. The Best interests of the Child // Alen A., Vande Lanotte J., Verhellen E., Ang F., Berghmans E. and Verheyde M. (eds.) A commentary to the United Nations Convention on the rights of the child. Leiden, 2007. P. 2.

¹² См.: Комитет ООН по правам ребенка (КПР). Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3) 29 мая 2013, CRC /C/GC/14. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html> (дата обращения: 20.08.2019).

¹³ В отличие от Комитета ООН по правам ребенка, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, во исполнение которой призван действовать ЕСПЧ, не закрепляет понятие «наилучших интересов ребенка» (см.: Grgić A. Jurisprudence of the European Court of human rights on the best interests of the child in family affairs // The best interests of the child – a dialogue between theory and practice. Strasbourg, 2016. P. 105).

¹⁴ См.: Y.C. v. the United Kingdom. N 4547/10, judgment of 13 March 2012. Para. 135.

¹⁵ См.: Schneider v. Germany. N 17080/07. ECtHR judgment of 15 September 2011. Para. 100.

¹⁶ См.: X v. Latvia. N 27853/09. ECtHR judgment of 26 November 2013 (GC). Para. 100.

¹⁷ См.: Turković K., Grgić A. Best interests of the child in the context of article 8 of the ECHR // Melanges en l'honneur de/ Essays in honour of Dean Spielmann. P. 629; Artis J.E. Judging the best interests of the child: Judges' accounts of the tender years doctrine // Law and Society review. Vol. 38. Massachusetts, 2004. No. 4. P. 775.

¹⁸ См.: Cantwell N. The concept of the best interests of the child: what does it add to children's human rights? // The best interests of the child – a dialogue between theory and practice. P. 22.

¹⁹ См.: Schiratzki J. Some reflections on the principle of the best interests of the child – in the light of normality and exceptions // International Family Law, policy and practice. Vol. 1. London, 2013. No. 1. P. 11.

²⁰ Сологуб А.Ю. Категория «законный интерес» как элемент правового статуса ребенка // Вопросы современной юриспруденции. Новосибирск, 2013. № 29. С. 140–144; Панченко В.Ю., Михалева А.Е. Еще раз о законных интересах // Росс. правосудие. 2016. № 9 (125). С. 21; Нечаева А.М. Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних. С. 46.

²¹ См.: Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970. С. 9.

²² См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 236.

²³ См.: Сологуб А.Ю. Указ. соч. С. 142.

и благополучного развития²⁴. Именно термин «развитие» составляет основу определения понятия «интересы ребенка», с точки зрения А.М. Нечаевой, которая пишет, что он относится к числу сложных за счет многообразия его признаков. Оценка интересов ребенка с точки зрения его развития (нравственного, духовного, физического) служит первым шагом в определении его истинных интересов как развивающейся личности²⁵.

В.В. Субочев определяет законные интересы как стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться к компетентным органам за защитой в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла²⁶. О.Г. Миролюбова также определяет интерес как стремление к достижению определенного блага. Она отмечает, что потребность существует объективно и может не осознаваться (и даже отрицаться) субъектом, а интерес все же предполагает ценностное отношение субъекта к благу – стремление социального субъекта к обладанию определенным благом, представляющим для него ценность, которое возникает в определенной социальной среде и служит мотивом, целью, регулятором деятельности этого субъекта. Применительно к интересам ребенка оптимальные условия его проживания, воспитания и содержания (условия благополучия) – это объекты интересов либо социальная среда, но не сами интересы²⁷. Акцент на создании условий, необходимых для содержания и благополучного развития ребенка, О.Г. Миролюбова считает неверным, поскольку интересы ребенка подменяются другим понятием – благоприятной социальной средой²⁸; субъективный же элемент интереса вообще не учитывается. Она предлагает определить «интересы ребенка» как охраняемые

законом потребности ребенка в материальных или духовных благах, обеспечивающих его гармоничное личностное развитие, либо (в зависимости от степени осознания) стремление к достижению этих благ, служащее регулятором деятельности ребенка, его родителей, законных представителей, иных субъектов, уполномоченных государственными органами, а также критерием осуществления и защиты прав²⁹.

Таким образом, российская доктрина рассматривает интересы ребенка как «сложное понятие», включающее в себя «много характеристик»³⁰, при этом фокус делается в первую очередь на развитии и воспитании ребенка как факторах его благополучия. О.А. Хазова занимает более «право-ориентированную позицию», отмечая разницу между принципом учета наилучших интересов ребенка и принципом благополучия, она говорит о невозможности подменять соображениями обеспечения благополучия ребенка вопросы соблюдения и защиты его прав³¹. Этот подход полностью соответствует международным стандартам, отклонение от которых в российском праве отметил и Комитет ООН по правам ребенка в своих Заключительных замечаниях по результатам рассмотрения 4 и 5 периодических докладов Российской Федерации. Он пришел к выводу, что определение интересов ребенка в России сведено к оценке его физической безопасности, а не эмоциональных и психологических потребностей³².

Вызывает вопрос и определение интересов ребенка как интересов, охраняемых законом. Ученые не раз отмечали, что законодательство не поспевает за стремительно развивающимися в современном мире общественными отношениями. Права ребенка в разных областях также оказываются не защищенными в силу отсутствия регулирования того или иного вопроса. В качестве примера можно привести область информационно-коммуникационных технологий³³. Активное и зачастую бесконтрольное использование детьми Интернета приводит не только к усугублению уже известных рисков, таких, как травля, нарушение неприкосновенности частной жизни или развратные действия, но и появлению новых, требующих переосмысления

²⁴ См.: *Миролюбова О.Г.* О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник ЯрГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 4/1 (22/1). С. 57, 58.

²⁵ См.: *Нечаева А.М.* Защита интересов ребенка в многодетной семье // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2012. № 6. С. 62.

²⁶ См.: *Субочев В.В.* Механизм трансформации законных интересов в субъективные права и субъективных прав в законные интересы // Современное право. 2007. № 3. С. 89.

²⁷ См.: *Миролюбова О.Г.* Указ. соч. С. 57, 58.

²⁸ А.Н. Левушкин также понимает под интересами ребенка создание для ребенка благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для воспитания и всестороннего развития (в физическом, психическом, духовном и ином отношении) (см.: *Левушкин А.Н.* Соблюдение интересов ребенка как условие усыновления (удочерения): вопросы теории и практики // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 19. С. 71–75).

²⁹ См.: *Миролюбова О.Г.* Указ. соч.

³⁰ *Нечаева А.М.* Защита интересов ребенка в многодетной семье. С. 62.

³¹ См.: *Khazova O.* Interpreting and applying the best interests of the child: the main challenges // The best interests of the child – a dialogue between theory and practice. P. 28.

³² См.: CRC/C/RUS/CO/4–5, 25 February 2014. Para. 26.

³³ См.: *Coccoli J.* The challenges of new technologies in the implementation of human rights: an analysis of some critical issues in the digital era // Peace human rights governance. 2017. No. 1(2). P. 226.

действующих правовых норм и принятия новых³⁴. Критерий «охраняемости законом», исправно применяемый на практике государственными органами, уполномоченными на защиту интересов детей, как представляется, в современных условиях будет скорее препятствовать в определении и защите интересов ребенка. Это было отмечено и Комитетом ООН по правам ребенка³⁵. Он рекомендовал России изменить законодательство так, чтобы оно полнее отражало принцип «наилучших интересов ребенка», установленный Конвенцией ООН.

Существует еще один аспект концептуализации интересов ребенка, в котором российские и зарубежные ученые расходятся во мнении – это вес, который им придается. Конвенция ООН о правах ребенка однозначно закрепляет, что наилучшие интересы ребенка имеют первоочередное значение (“primary consideration”). Разработчики договора тщательно выбирали подходящий термин и отвергли вариант “главенствующее значение” (“paramount consideration”), исходя из того, что интересы ребенка не получают автоматический приоритет перед интересами других сторон, все интересы должны быть тщательно взвешены³⁶.

Европейский Суд по правам человека в целом поддержал подход, закрепленный в Конвенции ООН. В одном из дел о международном похищении ребенка одним из родителей он отметил, что «ключевым вопросом является то, был ли достигнут справедливый баланс между конкурирующими интересами – интересами ребенка, обоих родителей и общественного порядка, с учетом того, что наилучшим интересам ребенка должно придаваться первоочередное значение, и что цели предотвращения похищения и немедленного возвращения ребенка им соответствуют»³⁷. Однако в более позднем деле ЕСПЧ заявил, что «в настоящее время существует широкий консенсус, в том числе

и в международном праве, относительно того, что при принятии всех решений, затрагивающих ребенка, его интересам должно придаваться главенствующее значение»³⁸. К. Туркович и А. Гргич также отмечают это противоречие в практике ЕСПЧ: придавая интересам детей то первоочередное, то главенствующее значение, он не определяет критериев принятия этого решения. Можно сделать вывод, что в делах, касающихся международного похищения, как правило, им придается первоочередное значение, а в делах об усыновлении – главенствующее, видимо, исходя из того, что усыновление подразумевает «семью для ребенка, а не ребенка для семьи»³⁹. Важно отметить, что на глобальном уровне стандарт «первоочередного значения» был одобрен не сразу. Этот вопрос был одним из наиболее обсуждаемых и во время разработки Комитетом по правам ребенка Замечания общего порядка № 14. Документ разъясняет, что «если добиться взаимоувязки между наилучшими интересами ребенка и правами других лиц не удастся, соответствующим органам придется проанализировать и определить значимость прав всех заинтересованных сторон, исходя из того, что право ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы принимались во внимание в качестве первоочередного соображения, означает, что интересы ребенка имеют первоочередное значение и не могут рассматриваться всего лишь как одно из ряда соображений»⁴⁰. Принимая это во внимание, можно рассматривать кажущуюся противоречивой практику ЕСПЧ по этому поводу как попытку установить иной, более жесткий стандарт на региональном уровне и наделить «наилучшие интересы ребенка» большим весом.

В 2014 г. в деле *V.P. v Russia*⁴¹ ЕСПЧ снова подчеркнул важность интересов ребенка: «в спорах, касающихся прав опеки, национальным судам приходится решать сложную задачу, а именно, взвешивать законные интересы каждого родителя по сохранению личных отношений и непосредственного контакта с ребенком, в сравнении с “наилучшими интересами ребенка”, причем последние имеют главенствующее значение». Российские ученые, однако, принимая во внимание необходимость учета государственного интереса

³⁴ См.: *Пережогин Л.О.* Психические расстройства в качестве вреда, причиненного действиями в Интернете: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. «Ребенок и правосудие». М., 2018. С. 135; *Сашенков С.А.* Роль социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних // *Общество и право*. 2017. № 1 (59). С. 210–212; *Бородин К.В.* Правовая защита несовершеннолетних от информации, приносящей вред их здоровью и развитию, распространяющейся в сети Интернет // *Актуальные проблемы рос. права*. 2016. № 7 (68). С. 68–74; *Рыдченко К.Д.* Дети в сети Интернет: развлечение или вовлечение? // *Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий. Проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений*. 2015. № 1. С. 31–38.

³⁵ См.: CRC/C/RUS/CO/4–5. 2014. 25 February. Para. 27.

³⁶ См.: *Nissen E.* The rights of minor: EU member state nationals wishing to enjoy family life with a non-EU parent in their country of nationality. A study in the light of the UN Convention on the rights of the child. Oisterwijk, 2013. P. 13.

³⁷ *Maumousseau and Washington v. France*. No. 39388/05, judgment of 6 December 2007. Para. 62, 68.

³⁸ *Neulinger & Shuruk v Switzerland*. N41615/07, judgment of 6 July 2010. Para. 49–55.

³⁹ *Turković K., Grgić A.* Op. cit. P. 639.

⁴⁰ *Llorens J.C.* Presentation of General Comment N14: strengths and limitations, points of consensus and dissent emerging in its drafting // *The best interests of the child – a dialogue between theory and practice*. P. 15.

⁴¹ См.: *V.P. v Russia*. N61362/12, judgment of 23 October 2014. Para. 133.

и принципы государственной семейной политики⁴², иначе определяют вес интересов ребенка. О.Ю. Ильина отмечает, что анализ содержания положения, закрепляющего основы осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей (ст. 7 СК РФ), позволяет сделать вывод о том, что целью государственного регулирования отношений между членами семьи является обеспечение интересов семьи как единого организма, а приоритет частных интересов отдельных членов семьи исключен. Приоритет, иными словами, имеют интересы семьи в целом, а субъекты семейных правоотношений должны соотносить свои интересы с ними⁴³.

Обобщая вышеприведенные точки зрения российских и зарубежных ученых, можно сделать вывод, что толкование понятия «интересы ребенка» в России характерно тем, что, во-первых, оно толкуется узко за счет наличия критерия «законности» интересов, во-вторых, отсутствует приоритет интересов ребенка перед интересами иных лиц и государства, затрагиваемых в конкретной ситуации. Такая концептуализация этой категории накладывает отпечаток на правоприменительную практику. Несмотря на то что Верховный Суд РФ в Постановлениях Пленума не единожды подчеркивал необходимость учета наилучших интересов ребенка, как в делах уголовного⁴⁴, так и гражданского судопроизводства⁴⁵, нижестоящие суды зачастую избегают определения того, какие именно интересы детей подлежат защите в конкретном деле и какие

именно действия были приняты/должны быть приняты в их защиту. Вместо этого они используют ссылку на данную концепцию в качестве обоснования правомерности действий должностных лиц. Эта практика была отражена в деле *Ageyevy v. Russia*⁴⁶, рассмотренном ЕСПЧ. В своем решении об отмене усыновления заявителями двух детей суд первой инстанции обратился к понятию «интересы ребенка» три раза, при этом нигде в решении не было пояснено, в чем конкретно заключаются их интересы и как действия, предпринятые органами опеки и попечительства, защищают их. Рассмотрев это дело, ЕСПЧ отметил, что «оценка этого вопроса национальными властями была явно поверхностной», существуют «серьезные сомнения в отношении того, что суды могли осуществить надлежащую оценку связи между действиями или бездействием заявителей и медицинским состоянием их детей после их отобрания в отсутствие поддержки экспертов в этой сфере», решения национальных судов «не содержат оценки уже возникших семейных связей между заявителями и детьми и не учитывают ущерба для эмоциональной безопасности и психологического состояния каждого из детей, который мог бы быть причинен внезапным разрывом таких связей», и пришел к выводу о том, что эта мера не отвечала какому-либо приоритетному требованию в наилучших интересах детей.

Практика использования концепции интересов ребенка в защиту интересов иных лиц распространена не только в России. В Хойдждонк назвал ее «захватом» концепции⁴⁷. Однако с точки зрения европейских стандартов само по себе упоминание интересов ребенка недостаточно для того, чтобы сделать решение суда соответствующим гарантиям Европейской конвенции по правам человека. Как подчеркнул ЕСПЧ в деле *Blaga v. Romania*⁴⁸: «суды не только должны рассмотреть... (вопрос. — Н.К.), но и составить судебное решение, приведя в нем конкретные обоснования выводов суда в свете обстоятельств дела. И отказ принять во внимание возражения против возвращения ребенка, и недостаточное обоснование решения будут нарушением требований ст. 8 ЕКПЧ. Для ее соблюдения необходимо... должное рассмотрение утверждений сторон, проиллюстрированное не шаблонной, механической, а в должной мере детализированной мотивировочной частью решения национальных

⁴² Принципы закреплены в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (см.: Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/government/146> (дата обращения: 24.08.2019) и включают в себя самостоятельность семьи в принятии решений относительно своей внутренней жизни, презумпцию добросовестности родителей в осуществлении родительских прав и повышение авторитета родительства в семье и обществе. Принцип защиты интересов ребенка в Концепции отсутствует.

⁴³ См.: Ильина О.Ю. Понятие и иерархия интересов в семье и семейных правоотношениях. С. 68, 71.

⁴⁴ См.: ППВС РФ от 14.02.2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»; ППВС РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

⁴⁵ См.: ППВС РФ от 27.05.1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»; ППВС РФ от 20.04.2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»; ППВС РФ от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав».

⁴⁶ См.: *Ageyevy v. Russia*. N7075/10, judgment of 18 April 2013. Para. 146, 147, 154.

⁴⁷ См.: *Hooijdonk E van*. Children's best interests: a discussion of commonly encountered tensions // The best interests of the child — a dialogue between theory and practice. P. 42.

⁴⁸ См.: *Blaga v. Romania*. N54443/10, judgment of 1 July 2014. Para. 70.

судов». Ту же позицию занимает и Комитет ООН по правам ребенка: «Суды должны обеспечить учет наилучших интересов ребенка... и продемонстрировать, что это фактически было сделано»⁴⁹.

Еще одной характерной чертой российской практики применения рассматриваемой концепции является ее использование в ущерб праву ребенка на выражение мнения. Судьи в таких случаях ссылаются на ст. 57 СК РФ, предусматривающую обязательство учитывать мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Особенно часто мнение ребенка не учитывается в делах, связанных с определением места жительства ребенка, а также лишением родительских прав⁵⁰. Опять-таки, такая практика ранее критиковалась Комитетом ООН по правам ребенка, который подчеркнул, что государства не могут ссылаться на принцип наилучших интересов ребенка для того, чтобы воспрепятствовать ребенку выразить его мнение⁵¹.

Подводя итог сделанному обзору, можно сделать вывод, что концептуализация понятия «интересы ребенка» в российском праве не допускает его динамического толкования в той мере, в которой это может быть необходимо, исходя из постоянно

меняющихся современных общественных отношений и международных стандартов в области защиты прав ребенка. Между тем возможность такого толкования является основой для судебного усмотрения, ведь самая сущность семейных дел с детским элементом предполагает широту судебного усмотрения, опирающуюся на относительно определенные семейно-правовые нормы и проявляющуюся в толковании, конкретизации, применении по аналогии, и судебную (процессуальную) активность, как отмечают Н.Н. Тарусина и О.Г. Миролюбова⁵². Кроме того, можно говорить и о том, что, как следствие, не только практика применения концепции, но и законодательство России будет объектом критики международных органов, как это было в деле *Nazarenko v Russia*, где ЕСПЧ выразил обеспокоенность ригидностью российских норм, регулирующих право на общение с ребенком и устанавливающих закрытый перечень лиц, имеющих такое право, не предусматривающий исключений и не позволяющий учесть разнообразие возможных ситуаций в семье и интересы ребенка⁵³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бородин К.В.* Правовая защита несовершеннолетних от информации, приносящей вред их здоровью и развитию, распространяющейся в сети Интернет // Актуальные проблемы рос. права. 2016. № 7 (68). С. 68–74.
2. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 236.
3. *Лукасян Р.Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970. С. 9.
4. *Ильина О.Ю.* Понятие и иерархия интересов в семье и семейных правоотношениях // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. М., 2015. С. 53, 68, 71.
5. *Ильина О.Ю.* Частноправовые и публично-правовые презумпции интересов ребенка в Семейном кодексе РФ // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журнал. 2005. № 1. С. 120–125.
6. *Кабанов В.Л.* К вопросу о концептуальном содержании принципа наилучших интересов ребенка в международном праве // Евразийский юрид. журнал. 2014. № 10 (77). С. 65–68.

⁴⁹ UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment N14 (2013), noted above. Para. 29.

⁵⁰ Например, судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Бурятия в апелляционном решении № 33-2028 от 30.07.2012 г. по делу о лишении родительских прав отметила: «Что касается того, что суд не учел мнение детей, то в соответствии со ст. 57 СК РФ, учет мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, является обязательным только в том случае, когда это не противоречит его интересам. Исходя из интересов детей, имеющих в силу ст. 55 СК РФ право общаться с обоими родителями, с учетом того, что основанием иска для лишения родительских прав являлось основание, предусмотренное абз. 2 ст. 69 СК РФ – уклонение от выполнения обязанностей родителя (а не злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение с детьми и прочие основания), районный суд правомерно не учел мнения детей, поскольку иное противоречило бы их интересам». Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда, рассматривая апелляционную жалобу на решение районного суда о передаче ребенка матери, в определении № 11-26730/2012 от 12.11.2012 г. отметила, что «то обстоятельство, что суд не вызвал и не заслушал мнение ребенка в суде первой инстанции, не может служить основанием к отмене решения суда, поскольку в силу ст. 57 СК РФ ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Однако обязательным является учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет. Несовершеннолетняя Т.Ю. не достигла десяти лет, следовательно, принятие во внимание ее мнения является прерогативой суда. Суд оценил высказанное ребенком пожелание (жить с отцом) в совокупности с другими доказательствами по делу и пришел к выводу, что несовершеннолетней Т.Ю. с учетом возраста целесообразно проживать с матерью».

⁵¹ См.: Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child. United Nations Children's Fund. 2007. P. 157.

⁵² См.: Тарусина Н.Н., Миролюбова О.Г. Защита интересов ребенка: внутренняя свобода и конфликт гражданско-процессуального закона // Социально-юридическая тетрадь. 2012. № 2. С. 165.

⁵³ См.: Nazarenko v. Russia. N39438/13, judgment of 16 July 2015. Para. 65.

7. *Левушкин А.Н.* Соблюдение интересов ребенка как условие усыновления (удочерения): вопросы теории и практики // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 19. С. 71–75.
8. *Миролюбова О.Г.* О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник ЯрГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 4/1 (22/1). С. 57, 58.
9. *Нечаева А.М.* Защита интересов ребенка в многодетной семье // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2012. № 6. С. 62.
10. *Нечаева А.М.* Защита интересов ребенка: семейно-правовые предпосылки // Государство и право. 2010. № 6. С. 76–83.
11. *Нечаева А.М.* Интересы ребенка как объект семейно-правовой защиты // Государство и право. 2012. № 1. С. 77–85.
12. *Нечаева А.М.* Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних. М., 2016. С. 43, 46.
13. *Панченко В.Ю., Михалева А.Е.* Еще раз о законных интересах // Росс. правосудие. 2016. № 9 (125). С. 21.
14. *Пережогин Л.О.* Психические расстройства в качестве вреда, причиненного действиями в Интернете: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. «Ребенок и правосудие». М., 2018. С. 135.
15. *Рыдченко К.Д.* Дети в сети Интернет: развлечение или вовлечение? // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий. Проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2015. № 1. С. 31–38.
16. *Сашенков С.А.* Роль социальных сетей в формировании суицидального поведения у несовершеннолетних // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 210–212.
17. *Скакун О.С.* Интерес ребенка как основной критерий защиты прав детей в практике Европейского суда по правам человека // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 30–36.
18. *Скакун О.С.* Интерес ребенка как основной критерий защиты прав детей в практике Европейского Суда по правам человека // Человек и закон. 2015. № 3. С. 33–44.
19. *Сологуб А.Ю.* Категория «законный интерес» как элемент правового статуса ребенка // Вопросы современной юриспруденции. Новосибирск, 2013. № 29. С. 140–144.
20. *Субочев В.В.* Механизм трансформации законных интересов в субъективные права и субъективных прав в законные интересы // Современное право. 2007. № 3. С. 89.
21. *Тарусина Н.Н., Миролюбова О.Г.* Защита интересов ребенка: внутренняя свобода и конфликт гражданско-процессуального закона // Социально-юридическая тетрадь. 2012. № 2. С. 165.
22. *Artis J.E.* Judging the best interests of the child: Judges' accounts of the tender years doctrine // Law and Society review. Vol. 38. Massachusetts, 2004. No. 4. P. 775.
23. *Cantwell N.* The concept of the best interests of the child: what does it add to children's human rights? // The best interests of the child – a dialogue between theory and practice. Strasbourg, 2016. P. 22.
24. *Coccoli J.* The challenges of new technologies in the implementation of human rights: an analysis of some critical issues in the digital era // Peace human rights governance. 2017. No. 1(2). P. 226.
25. *Freeman M.* Article 3. The Best interests of the Child // *Alen A., Vande Lanotte J., Verhellen E., Ang F., Berghmans E. and Verheyde M. (eds.)* A commentary to the United Nations Convention on the rights of the child. Leiden, 2007. P. 2.
26. *Grgić A.* Jurisprudence of the European Court of human rights on the best interests of the child in family affairs // The best interests of the child – a dialogue between theory and practice. Strasbourg, 2016. P. 105.
27. *Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child.* United Nations Children's Fund. 2007. P. 157.
28. *Khazova O.* Interpreting and applying the best interests of the child: the main challenges // The best interests of the child – a dialogue between theory and practice. Strasbourg, 2016. P. 28.
29. *Langrognet F.* The best interests of the child in French deportation case law // Human rights law review. Oxford, 2018. No. 18. P. 570.
30. *Llorens J.C.* Presentation of General Comment No14: strengths and limitations, points of consensus and dissent emerging in its drafting // The best interests of the child – a dialogue between theory and practice. Strasbourg, 2016. P. 15.
31. *Nissen E.* The rights of minor: EU member state nationals wishing to enjoy family life with a non-EU parent in their country of nationality. A study in the light of the UN Convention on the rights of the child. Oisterwijk, 2013. P. 13.
32. *Schiratzki J.* Some reflections on the principle of the best interests of the child – in the light of normality and exceptions // International Family Law, policy and practice. Vol. 1. London, 2013. No. 1. P. 11.
33. *Silvis J.* Prevention of child abduction // Melanges en l'honneur de / Essays in honour of Dean Spielmann. Oisterwijk, 2015. P. 604.
34. *Tanguay M.P.* The critical power of semiotics of law / International journal for the semiotics of law. 2010. Vol. 23. No. 1. P. 24, 25.
35. *Turković K., Grgić A.* Best interests of the child in the context of article 8 of the ECHR // Melanges en l'honneur de / Essays in honour of Dean Spielmann. Oisterwijk, 2015. P. 629, 639.

REFERENCES

1. *Borodin K.V.* Legal protection of minors from information that harms their health and development, spreading on the Internet // Actual problems of Russ. law. 2016. No. 7 (68). P. 68–74 (in Russ.).
2. *Gribanov V.P.* Implementation and protection of civil rights. M., 2000. P. 236 (in Russ.).
3. *Gukasyan R.E.* The problem of interest in Soviet Civil procedural Law. Saratov, 1970. P. 9 (in Russ.).
4. *Ilina O. Yu.* The Concept and hierarchy of interests in the family and family relations // The problem of harmonization of private and public interests in family law of the Russian Federation. M., 2015. P. 53, 68, 71 (in Russ.).
5. *Ilina O. Yu.* Private law and public law presumptions of the child's interests in the Family Code of the Russian Federation // Business in law. Economics and legal journal. 2005. No. 1. P. 120–125 (in Russ.).
6. *Kabanov V.L.* On the issue of the conceptual content of the principle of the best interests of the child in International Law // Eurasian legal journal. 2014. No. 10 (77). P. 65–68 (in Russ.).
7. *Levushkin A.N.* The best interests of the child as a condition of adoption (adoption): theory and practice // Bulletin of SUSU. 2011. No. 19. P. 71–75 (in Russ.).
8. *Mirolubova O.G.* Family legal concept “best interests of the child” // Bulletin of the Yaroslavl state University. Ser. “Humanities”. 2012. No. 4/1 (22/1). P. 57, 58 (in Russ.).
9. *Nechaeva A.M.* Protection of the interests of the child in a large family // Laws of Russia. Experience, analysis, practice. 2012. No. 6. P. 62 (in Russ.).
10. *Nechaeva A.M.* Protection of the interests of the child: family law prerequisites // State and Law. 2010. No. 6. P. 76–83 (in Russ.).
11. *Nechaeva A.M.* The best Interests of the child as an object of family-legal protection // State and Law. 2012. No. 1. P. 77–85 (in Russ.).
12. *Nechaeva A.M.* Legal problems of family upbringing of minors. M., 2016. P. 43, 46 (in Russ.).
13. *Panchenko V. Yu., Mikhaleva A.E.* Once again about legal interests // Russ. justice. 2016. No. 9 (125). P. 21 (in Russ.).
14. *Perezhogin L.O.* Mental disorders as harm caused by actions on the Internet: materials of All-Russ. scientific-practical Conf. “Child and justice”. M., 2018. P. 135 (in Russ.).
15. *Rydchenko K.D.* Children on the Internet: entertainment or involvement? // Crime in the field of information and telecommunication technologies. Problems of prevention, detection and investigation of crimes. 2015. No. 1. P. 31–38 (in Russ.).
16. *Sashenkov S.A.* The role of social networks in the formation of suicidal behavior in minors // Society and law. 2017. No. 1 (59). P. 210–212 (in Russ.).
17. *Skakun O.S.* Interest of the child as the main criterion for protecting children's rights in the practice of the European court of human rights // Family and Housing Law. 2014. No. 2. P. 30–36 (in Russ.).
18. *Skakun O.S.* Interest of the child as the main criterion for protecting children's rights in the practice of the European Court of human rights. 2015. No. 3. P. 33–44 (in Russ.).
19. *Sologub A. Yu.* Category “legitimate interest” as an element of the legal status of the child // Questions of modern jurisprudence. Novosibirsk, 2013. No. 29. P. 140–144 (in Russ.).
20. *Subochev V.V.* Mechanism of transformation of legal interests into subjective rights and subjective rights into legal interests // Modern law. 2007. No. 3. P. 89 (in Russ.).
21. *Tarusina N.N., Mirolubova O.G.* Protection of the child's interests: internal freedom and conflict of civil procedure law // Social and legal notebook. 2012. No. 2. P. 165 (in Russ.).
22. *Artis J.E.* Judging the best interests of the child: Judges' accounts of the tender years doctrine // Law and Society review. Vol. 38. Massachusetts, 2004. No. 4. P. 775.
23. *Cantwell N.* The concept of the best interests of the child: what does it add to children's human rights? // The best interests of the child – a dialogue between theory and practice. Strasbourg, 2016. P. 22.
24. *Coccoli J.* The challenges of new technologies in the implementation of human rights: an analysis of some critical issues in the digital era // Peace human rights governance. 2017. No. 1(2). P. 226.
25. *Freeman M.* Article 3. The Best interests of the Child // *Alen A., Vande Lanotte J., Verhellen E., Ang F., Berghmans E. and Verheyde M. (eds.)* A commentary to the United Nations Convention on the rights of the child. Leiden, 2007. P. 2.
26. *Grgić A.* Jurisprudence of the European Court of human rights on the best interests of the child in family affairs // The best interests of the child – a dialogue between theory and practice. Strasbourg, 2016. P. 105.
27. Implementation Handbook for the Convention on the Rights of the Child. United Nations Children's Fund. 2007. P. 157.
28. *Khazova O.* Interpreting and applying the best interests of the child: the main challenges // The best interests of the child – a dialogue between theory and practice. Strasbourg, 2016. P. 28.
29. *Langrognet F.* The best interests of the child in French deportation case law // Human rights law review. Oxford, 2018. No. 18. P. 570.

30. *Llorens J.C.* Presentation of General Comment No14: strengths and limitations, points of consensus and dissent emerging in its drafting // The best interests of the child – a dialogue between theory and practice. Strasbourg, 2016. P. 15.
31. *Nissen E.* The rights of minor: EU member state nationals wishing to enjoy family life with a non-EU parent in their country of nationality. A study in the light of the UN Convention on the rights of the child. Oisterwijk, 2013. P. 13.
32. *Schiratzki J.* Some reflections on the principle of the best interests of the child – in the light of normality and exceptions // International Family Law, policy and practice. Vol. 1. London, 2013. No. 1. P. 11.
33. *Silvis J.* Prevention of child abduction // Melanges en l'honneur de / Essays in honour of Dean Spielmann. Oisterwijk, 2015. P. 604.
34. *Tanguay M.P.* The critical power of semiotics of law / International journal for the semiotics of law. 2010. Vol. 23. No. 1. P. 24, 25.
35. *Turković K., Grgić A.* Best interests of the child in the context of article 8 of the ECHR // Melanges en l'honneur de / Essays in honour of Dean Spielmann. Oisterwijk, 2015. P. 629, 639.

Сведения об авторе

КРАВЧУК Наталья Вячеславовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела правоповедения Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; 117997 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Authors' information

KRAVCHUK Natalya V. – PhD in Law, senior researcher of the Department of jurisprudence of the Institute of scientific information on social Sciences (ISS) of the Russian Academy of Sciences; 51/21 Nakhimovsky avenue, 117997 Moscow, Russia